

УДК 821.161.1

Савинков С.В.

(г. Воронеж)

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕЧОРИН И СОВРЕМЕННОСТЬ: ВЕКТОРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу современных интерпретаций одного из самых сложных и загадочных литературных персонажей. Печорин занимает экстраординарное положение в русской литературе благодаря присущей его природе неизъяснимой притягательности, всегда оказывавшей будоражащее воздействие на литературно-критическую мысль. Феномен печоринского обольщения (распространяющегося и на героев романа, и на его читателей) определяет один из векторов и современных исследований, которые стараются достичь цели с привлечением психоаналитических, культурно-типологических и характерологических методов. Другой вектор изучения героя по-прежнему связан с загадкой его раздвоенности, к которой современное литературоведение пытается подобрать ключи с помощью семиотики и нарратологии.

Ключевые слова: современность, интерпретация, методология, герой, литературный тип, литературный характер, имя, мотивная структура.

S. Savinkov

(Voronezh)

GRIGORY PECHORIN AND MODERNITY: VECTORS OF INTERPRETATION

Abstract. This article analyzes the modern interpretation of one of the most complex and mysterious literary characters. Pechorin takes an extraordinary position in the Russian literature, thanks to inherent inexplicable attractiveness, which always turned a disturbing impact on the literary-critical thought. The phenomenon of Pechorin's seduction (spreading on both characters of the novel and its readers) defines one of the vectors of modern studies that try to achieve the goal through involving psychoanalytic, cultural-characterological and typological methods. Another vector of studying the character is still the mystery connected with his ambivalence to which modern literary criticism tries to pick up the keys by using semiotics and narratology.

Key words: modernity, interpretation, methodology, character, literary type, a literary character, name, motivic structure.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 15-04-00498 "Концептуальные основы современного герменеведения".

I

«Рассуждения о Лермонтове рано или поздно приводят нас к загадочному Герою нашего времени Григорию Александровичу Печорину, одному из наиболее сложных персонажей русской литературы, таящему в себе особенную противоречивость и неоднозначность, что создаёт редкий по своей уникальности потенциал, препятствующий однозначным формулировкам и интерпретациям² [2, с. 500].

К этим точным суждениям А. Графа хотелось бы добавить, что Печорин занимает экстраординарное положение в русской литературе не столько благодаря своей противоречивости и неоднозначности (точнее, не им самим по себе), сколько из-за присущей его природе неизъяснимой притягательности. Печоринское влияние распространяется и на героев романа, и на его читателей, многие из которых могли бы подписаться под обращёнными к герою времени словами Веры из «Княжны Мери»: «В твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно...» [5, с. 332].

Одна из работ современного исследователя непосредственно посвящена осмыслению феномена печоринского обольщения. Это статья Р. Лауэра с говорящим самим за себя заглавием – «Печорин как обольститель» – и со стержневой мыслью о том, что для целого ряда поколений Печорин стал культовым героем благодаря его удивительному искусству власти над людьми. И власть эта проявляет себя с особой силой в определённые возрастные и исторические периоды. Не случайно обольщение Печориным Лауэр и его товарищи испытали в своём послевоенном отрочестве и своём послевоенном отечестве: «Мы хотели облачиться в равнодушие и скуку, о которых настойчиво твердил наш культовый роман, чтобы защититься от идеологических требований времени» [3, с. 514].

Впрочем, как это нередко бывает, одно и то же явление может по-разному осмысливаться и оцениваться в разных историко-культурных и идеологических контекстах. Человек с «другого берега» – Б.Т. Удодов (автор книги о Лермонтове и статей о «Герое нашего времени» в лермонтовской энциклопедии 1980 г.) – был обольщён печоринским самостоянием не меньше, чем Лауэр, но воспринял его принципиально иначе. Печорин в интерпретации Удодова предстает как личность, противостоящая не только безличностно-

² Ссылки на работы отечественных и зарубежных лермонтоведов будут производиться в основном по антологии М.Ю. Лермонтов. *Pro et contra*. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. 998 с. (*Русский путь*), в создании которой автор статьи принимал участие в качестве составителя, автора вступительной статьи и комментариев.

му миру николаевской России, но и всем формам безличностного существования, которые когда-либо имели (или когда-либо будут иметь) отношение к человеку «вообще», к человеку не в видовом, а в родовом его измерении. Поэтому печоринская «лишность» для Удодова, вопреки традиционному со времён революционно-демократической критики толкованию, стала не указанием на его социальную бесполезность и ненужность, а неоспоримым свидетельством совершенного Героем времени подвига саморазвития в человека [9, с. 66–93].

Однако Печорин, что отмечает и Лауэр, выступает в качестве обольстителя и как романнный персонаж. Быть обольстителем есть главная составляющая его романного бытия, но такая, природу которой, как выясняется, чрезвычайно трудно распознать и объяснить. И помощи в этом от самого героя времени ждать не приходится: он и сам не знает, зачем он что-то делает, действуя как бы поневоле, как бы подчиняясь какой-то довлеющей ему необходимости. Впрочем, если присмотреться, то можно увидеть, что эта необходимость имеет тесную связь с присущим характеру героя вампирическому «элементу».

Один из метафорических мотивов, указывающих на «вампирическое» начало в Печорине, – ненасытность. У вампира в силу его «промежуточной» природы потребность в насыщении никогда не может быть удовлетворена до конца, а, следовательно, ему постоянно необходимы новые жертвы: «Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других <...> как на пищу, поддерживающую мои душевные силы...» [5, с. 294]. Есть в романе и жертвы этой вампирической активности. Женщины, с которыми Печорина сталкивала судьба, испытывали в буквальном смысле физическое истощение, что нельзя не воспринять как намёк: Бэла «...заметно начинала сохнуть, личико её вытянулось, большие глаза потускнели» [5, с. 231]; «...её (княжны Мери. – С. С.) бледные губы напрасно старались улыбнуться; её нежные руки <...> были <...> худы и прозрачны...» [5, с. 337]; Вера заболевает чахоткой (ср. также её слова: «Моя душа истощила на тебя все свои сокровища...» [5, с. 332]). А вот своего рода обобщающая печоринская максима: «...есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге...» [5, с. 294].

Конечно, Б.Т. Удодову как представителю вполне определённой литературоведческой школы вряд ли понравилось бы уподобление Печорина вампиру и «раскручивание» темы о вампирической составляющей его природы. А между тем «вампирическое» начало в «Герое нашего времени»

стало предметом рассмотрения современных исследователей творчества Лермонтова.

В статье известного слависта Оге А. Ханзена-Лёве «Печорин как женщина и лошадь в романе-эксперименте Лермонтова» вампирический элемент в Печорине рассматривается как принадлежность романтического *homme fatale*, который «может поддерживать жизнь лишь тем, что (как вампир) питается жизненными силами и соками других, поскольку не может жить за счёт собственных» [11, с. 540]. Обольщение Печорина имеет одну странную особенность: оно не стремится к достижению конечного результата. Ханзен-Лёве показывает, какими изощёренно-сложными путями лермонтовский герой уклоняется от достижения своей цели. С его точки зрения, «он – и продукт и протагонист Механики Промедления, которая, с одной стороны, препятствует продвижению фабулы его Романа Жизни, а с другой – только и делает её возможной» [11, с. 529]. «Соблазнитель избегает наступления конца – как апокалиптик – постоянно выкликая его» [11, с. 549]. Страх перед конечностью связан прежде всего с фигурой Другого, обнаруживающей себя и в мужской и женской ипостасях. Ханзен-Лёве подробно рассматривает борьбу за власть как борьбу полов (и гетеро- и гомоэротического планов) и связывает её с эротическими и танатологическими фобиями романтической эпохи: «У Лермонтова и вообще в романтизме человек определяется прежде всего через его дополняющую и ему угрожающую противоположность, гармоническое завоевание и удержание которой кажется больше невозможным» [11, с. 541].

При этом нахождение себя оказывается возможным лишь путём разрушения других: «мужчина может найти себя лишь в воплощении женского; *alter ego* представляет собой альтернативу не жизни, а лишь смерти» [11, с. 541]. Не имея возможности найти себя в другом, *homme fatale* направляет все усилия на то, чтобы устроить своё существование за счёт другого. «Печорин – тип агрессора, который <...> распространяет свою нехватку полноты на окружающих, стараясь заполнить собственную пустоту и негативизм по способу каннибалов – т.е. поглощая других (см. его сравнение себя с вампиром)» [11, с. 531].

Это место в размышлениях Ханзена-Лёве требует небольшой реплики в сторону. Дело в том, что тему «Печорин и другие» затрагивают многие исследователи. Одним из главных предметов их внимания оказывается удивительная способность Печорина к подражанию и мимикрии, демонстрируемая им в самых разных «жанрах»: он подражает внешности (преображаясь в черкеса так, что становится на него похожим более, чем черкес сам на себя), жесту (к примеру, повторяя жест Вулича), женщине (в определённом смысле Печорин не меньшая кокетка, чем княжна), Грушницкому (Печорин и Грушницкий – пародийные двойники). Всё это требует объяснения.

С точки зрения О. Ханзена-Лёве и Л. Геллера, все печоринские отождествления с другими не имеют сущностного измерения. Они являются всего лишь пустыми знаками подобия, и, будучи таковыми, красноречиво свидетельствуют об обратном – об абсолютной невозможности для Печорина «оставить себя, войти в другого, отождествиться с ним или с ней» [11, с. 564], и эта невозможность, как полагает Геллер, есть главная первопричина печоринской скуки в её экзистенциальном измерении.

Свои размышления Ханзен-Лёве подкрепляет обнаружением типологической общности между установками лермонтовского героя с установками кьеркегоровского обольстителя, который выстраивает своё поведение с опорой на теорию соблазна своего создателя.

Л. Геллер усматривает в романе Лермонтова тотальное присутствие смерти и находит ему объяснение опять-таки в вампирической природе Печорина, на которую указывает и его тяжёлый взгляд: «...взгляд Печорина – взгляд мертвеца или человека, который на дружеской ноге со смертью. И для всех, кто говорит о Печорине в романе, да и для читателя, кажется, на нём различима печать смерти, подобная той, которую он заметил в лице Вулича. Если так, то и его странное иногда поведение, его эмоциональный холод – подчёркнутый в эпизоде встречи с Максимом Максимычем – оказывается не маской, не наигранным пренебрежением, это истинное равнодушие мёртвого к живым» [1, с. 561–562].

Другую часть своей статьи Л. Геллер посвящает выявлению схождения семантической структуры лермонтовского героя с культурно-историческими типами денди и особенно либертина, нашедшего яркое воплощение в романе Шодерло де Лакло «Опасные связи». В отличие от денди, довольствующегося эротической эстетикой с нарциссическим уклоном, «либертин утверждает себя только через других и добивается не символической, а реальной власти; он не пропускает ни одной возможности войти в любовную связь, стремится к быстрому овладению и насыщению женщиной, составляет строгую иерархию отношений с женщинами, по возрасту, социальному положению, доступности, опыту и т.д. (так, Вальмон одновременно совращает и добродетельную президентшу Турвель и юную Сесиль, а Печорин – неопытную Мери и замужнюю Веру)» [1, с. 569].

В статье С.В. Савинкова и А.А. Фаустова – «Печорин как „странный“ человек: „вампирический“ элемент в романе „Герой нашего времени“» – печоринский вампиризм рассматривается с иной точки зрения – в аспекте разрабатываемой авторами на протяжении ряда лет литературной характеристики с её неотрывностью от лексики, фразеологии, тропологии, воплощающих (и диагностирующих) характер в не меньшей степени, чем его персонифицированные формы. При этом ядром литературного характера

является его (наделённое особой семиотической диспозицией) имя. И с этой точки зрения печоринский вампиризм есть составляющая не денди или либертина, а имеющего разветвлённую литературную традицию характера «странного» человека, конституирующим свойством которого является отсутствие в нём внутренней, аутентичной себе основы, раздвоенность (как символ и простейший случай множественности) [6, с. 572–583].

Однако Печорин не только «странный» человек, он ещё и странный Герой. Генетически принадлежащий славной плеяде эпических Героев, Печорин предстаёт у Лермонтова последним из них – тем, на которого, как и на весь мир, близящийся к концу времён, утративший смысл и цель своего существования («его грядущее иль пусто иль темно»), судьба наложила печать вырождения, или – тем, от которого она отвернулась. Идея Героя, как показано в книге С.В. Савинкова [6, с. 204–217], коренным образом связана с идеей времени.

Герой (будь он Героем одическим или романтическим, стоит ли он на страже времени и обеспечивает его возобновляемость или приводит его в движение и открывает перед жизнью новые горизонты) в некотором смысле пребывает вне времени; точнее сказать, его жизнь, означенная судьбой, как бы протекает в запредельном по отношению к людскому, земному времени измерении. Но именно эта несоразмерность повседневному времени и позволяет Герою оказывать на него влияние, быть его флагманом, быть его двигателем. В отличие от судьбы «настоящего» эпического Героя, всегда так или иначе пребывающего в роли двигателя времени, его преобразователя, Печорин оказывается совершенно в иной ситуации: судьба не исключила его из времени, а поместила в него. Печорин как человеческий тип принадлежит историческому времени, Печорин как Герой – времени, причём особым образом: один живущий в нём человек принадлежит героическому и трагическому былому, другой – сомнительному настоящему; один ощущает себя необходимым лицом пятого акта, другой – сочинителем современных мещанских драм; один мыслит себя орудием в руках неведомой силы; другой, напротив, – вершителем судеб созданных им «персонажей».

II

Феномен раздвоенности печоринской личности всегда был одним из самых обольстительных предметов исследования для лермонтоведов всех времён и народов.

Одну из последних попыток разобраться в структуре печоринской личности представляет статья М. Леоновой, опирающаяся на лежащую в основе фрактального анализа идею самоподобия. В этом аспекте обретающиеся в Печорине действующее «я» и судящее «я» могут рассматриваться

частями фрактальной структуры уже потому, что судящее «я» оказывается не в состоянии объяснить реакцию действующего «я», а может её лишь констатировать. С точки зрения М. Леоновой, судящий и действующий одинаковы и различны одновременно, причём их эквивалентность базируется не на их сходстве и различии, а на аналогии между частью и целым. Таким образом, Печорин претерпевает невозможность идентифицировать себя с одним единственным «я», что приводит его к принятию конфликта как единственно возможного способа существования и к поиску логики, лежащей в его основе. Фрактальное расщепление печоринской личности М. Леоновой усматривается во всех планах её существования – национальном, культурном, социальном [4, с. 630 – 645].

В своё время ещё В.И. Левин обратил внимание на то, что печоринские монологи весьма противоречивы. Некоторым герой говорит одно, а другим или самому себе может сказать прямо противоположное: каждый раз он как бы заново и по-новому выстраивает свою биографию. В результате Печорин не даёт возможности свести по отношению к нему концы с концами ни жертвам своих обманных словесных манипуляций (по ловкости, видимо, не уступающих фокуснику Апельбауму), ни многоопытным критикам и литературоведам.

Одну из попыток найти объяснение такой печоринской «лживости» читатель найдёт в статье В. Шмида, подошедшего к решению этой задачи не столько со стороны строения личности героя, сколько со стороны исторической нарратологии, указывающей на то, что Лермонтов так и не преодолел «романтического моноперспективизма и разложения сознания на шаблонную двойственность, отражающую более или менее метафизические антитезы» [10, с. 471]. По мысли учёного, не вмещающаяся в «одном человеческом сознании» противоречивость Печорина во многом объясняется тем, что роман Лермонтова ещё не наделён той нарративной структурой, с помощью которой реалистическая литература будет выражать психологическое состояние персонажа. У Лермонтова «предмет самоанализа является не замкнутым субъектом, выдвигаемым при всей раздвоенности героев, например, поэтикой Достоевского, а точкой пересечения разных байронических исповедей», проникнутых идеей романтического эстетизма. И потому, как полагает Шмид, в исповеди Печорина нет и не может быть «прямого, довлеющего своему предмету слова, которое бы его лишило эффектности и импрессивности» [10, с. 478]. Поэтому герой не живёт, а играет, меняя роли и маски и – в духе романтического нигилизма – подменяя этику эстетикой: «такая игра – самая постоянная черта Печорина» [10, с. 478].

Ж. Силады, оспаривая итоговые выводы В. Шмида, призывает рассматривать противоречивость личности Печорина с учётом особенностей мо-

тивной структуры текста и выдвигает на первый план изучение характера и особенностей текстоуплощения процесса печоринского самопонимания. Процесс этот осуществляется, как полагает венгерская исследовательница, таким образом, что Печорин с его помощью овнешняет присущие ему негативные черты и тем самым от них освобождается. Эти черты как бы объективируются им в трёх персонажах «Княжны Мери» – в докторе Вернере, в княжне Мери и в Грушницком. На сюжетном уровне успехи печоринского «самоочищения», как считает Силади, подтверждаются его радикальным отдалением от этих героев [8, с. 616–629].

III

Одной из отправных точек современных интерпретаций лермонтовского героя по-прежнему является его имя.

По мнению Л. Геллера, само имя героя, которое обычно (по инерции) прочитывается – в сопоставлении с онегинским именем – лишь как производное от реки Печоры, имеет и другие смыслы: есть в Печорине созвучие и с «чёртом», и с «чёрным», а также с «печью» (имеющей сексуальную и апокалиптическую символику) и с «печорой», старой формой слова «пещера» или в современном варианте – «пещера». Имя Печорина, резюмирует Л. Геллер, говорит о его обладателе как о человеке, пришедшем из пещеры, из глубины земли – с того света [1, с. 558–571].

В работе Ж. Силади – «Тайны Печорина (семантическая структура образа героя в романе М.Ю. Лермонтова)» – внутренняя форма имени героя рассматривается в связи с мотивной структурой романа, построенной из бинарных оппозиций. Силади также видит в имени Печорина сему «печь» и сему, указывающую на связь имени с названием реки. Тем самым внутреннюю структуру имени Печорина образуют «огонь» и «вода» – два противоположных элемента [8, с. 616–629].

Ж. Силади считает, что наиболее ярко связь имени Печорина с нарративной структурой представляется в тексте «Тамани», и, благодаря особой роли этой главы в составе романа, связь эта проецируется и на другие его части. Так, одну из сторон печоринской оппозиции («огонь») представляет восточный, «огненный» мир в главе «Бэла», а другую – западный мир в главе «Княжна Мери», событийная канва которой разворачивается с участием «водяного общества». В связи с этим уместно указать на статью Г.В. Москвина «Библейские реминисценции в повести „Княжна Мери“», где речь идёт именно о водной евангельской топике и о её пародийном использовании в «Княжне Мери». На курортную озабоченность пятигорского водяного общества Печорин смотрит как на дурное повторение библейского сюжета о жаждающих исцеления грешниках.

В продолжение разговора о структуре и семантике имени Печорина можно указать на его возможную связь и с одной из базовых смысловых оппозиций романа – открытости/сокрытости. Как известно, журнал Печорина не просто интимен, но интимность его такова, что она не предполагает читателя. Не следует ли из этого, что тайное предназначение печоринского дневника состоит не столько в запечатлении его жизни, сколько в запечатывании её. (Между прочим, само имя «героя времени» – Печорин – не созвучно ли немецкому *petschieren* (= запечатывать письмо и т.д.)?) Во всяком случае, в таком абсолютном сопряжении бытия героя времени с бытием его о самом себе текста есть нечто метафизическое. Ведь не случайно же сама возможность публикации (возможность «распечатанного» существования не предназначенного для глаз посторонних интимного письма) напрямую соотнесена с известием о смерти Печорина. В определённом смысле его смерть – следствие произошедшего ранее распада сопряжённых между собой бытия героя и бытия его о самом себе письма. Испытывая в какой-то момент полное безразличие к судьбе своего дневника, герой времени испытывает такое же безразличие и к собственной жизни. И действительно, Печорин расстаётся со своим журналом и... вскоре умирает. Тем не менее, смерть оказывается для него единственной возможностью выхода из состояния самозамкнутости и – встречи с читательским взором, для которого небезразлична тайна истории души человеческой.

Литература:

1. Геллер Л. Печоринское либертинство // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. С. 558–571. (Русский путь)
2. Граф А. Печорин соблазненный // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. С. 499–510. (Русский путь)
3. Лауэр Р. Печорин как соблазнитель // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. С. 511–525. (Русский путь)
4. Леонова М. Фрактальная логика Григория Александровича Печорина // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. С. 630 – 645. (Русский путь)
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 6 т. Т. 6. М.; Л., 1956. 901 с.
6. Савинков С.В. Творческая логика Лермонтова. Воронеж: ВГУ, 2004. 288 с.
7. Савинков С.В., Фаустов А.А. Печорин как «странный» человек ... : «вампирический» элемент в романе «Герой нашего времени» // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. С. 572 – 583. (Русский путь)

8. *Силади Ж.* Тайны Печорина (семантическая структура образа героя в романе М.Ю. Лермонтова) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т. 2. СПб.: РХГА, 2014. С. 616–629. (Русский путь)

9. *Удодов Б.Т.* Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. 192 с.

10. *Шмид В.* О новаторстве лермонтовского психологизма // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т. 2. СПб., 2014. С. 468–481. (Русский путь)

11. *Ханзен-Лёве Оге А.* Печорин как женщина и лошадь в романе-эксперименте Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: pro et contra, антология / Сост., комм. С.В. Савинкова, К.Г. Исупова; вступ. ст. С.В. Савинкова. Т.2. СПб., 2014. С. 526–557. (Русский путь)